

Иванова Татьяна Николаевна

д-р ист. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

**«МЫ ВНЕСЛИ СВОЙ ВКЛАД В ДЕЛО ПОБЕДЫ»:
ВОСПОМИНАНИЯ СТРОИТЕЛЕЙ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ РУБЕЖЕЙ
В ЧУВАШИИ КАК ИСТОЧНИК УСТНОЙ ИСТОРИИ**

Аннотация: в статье анализируются воспоминания строителей Сурского и Казанского оборонительных рубежей, сооружавшихся в Чувашии с конца октября 1941 г. до конца января 1942 г. для защиты от немецко-фашистских захватчиков. Рассматриваются особенности источников устной истории и методика интервьюирования ветеранов. В воспоминаниях сохранились судьбы конкретных людей, рассказы о реальных условиях строительства, быте и питании, о подвигах и трагедиях тружеников тыла. Это позволяет существенно дополнить данные документальных источников.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сурский оборонительный рубеж, Казанский обвод, устная история.

2021 год в Чувашской Республике объявлен Годом, посвященном трудовому подвигу строителей Сурского и Казанского оборонительных рубежей. В период с конца октября 1941 г. до конца января 1942 г. на территории Чувашии был построен силами тружеников тыла оборонительный комплекс с линией противотанковых рвов, окопов, блиндажей и других сооружений общей протяженностью 380 км.

Долгие годы об этом грандиозном строительстве, если и упоминалось, то вскользь: «В конце 1941 – начале 1942 годов в 30–40-градусные морозы на земельных и строительных работах было занято от 85 до 110 тысяч колхозников» – упоминается в издании 1974 года [12, с. 332]. Архивные документы об

этом событии были засекречены вплоть до последнего времени. По воспоминаниям Е.Г. Шумилова, руководителя поискового клуба «Алые маки», в апреле-мае 1985 года участники клуба совершили поход по местам оборонительных сооружений. Однако Е.Г. Шумилкову отказали в публикации газетной статьи об этом под предлогом секретности темы. Однако постепенно гриф секретности был снят.

С 2010 года стали появляться публикации о Сурском рубеже. Особое значение имеет сборник архивных документов с символическим названием «Под грифом «секретно» [12], а также обобщающая научная монография «Подвиг тружеников тыла» [2]. Здесь целый раздел посвящен обзору трудов о Сурском и Казанском рубежах архивистов, историков, краеведов, энтузиастов. Рассказывается о популяризации этого подвига в средствах массовой информации и в учебных заведениях ЧР [2, с. 122–135]. Следует отметить вклад в разработку этой темы О.В. Андреева, А.В. Ерлыгина, Д.А. Захарова, Е.В. Касимова, Ф.Н. Козлова, М.А. Широковой и др.

Источники по данной теме сохранились плохо и имеют, зачастую, директивный характер. Особенностью архивных документов, как правило, является их формализованный характер. Это различные постановления, распоряжения, приказы, инструкции, ведомости, списки передовиков и руководящих работников, участвующих в строительстве. Особого упоминания заслуживают спецсообщения НКВД о различных нарушениях [13, с. 248–249]. По этим архивным документам можно восстановить требования, которые предъявлялись местным властям по поводу количества мобилизованного населения, обеспечения их инвентарем и продовольствием, продолжительности рабочего дня и т. п. Однако отсутствуют реальные портреты героев тыла и подлинная картина тех нечеловеческих условий, в которых приходилось трудиться женщинам, подросткам, инвалидам и старикам.

Поэтому для восстановления реальной истории строительства оборонительных рубежей особое значение имеют источники устной истории: интервью и

воспоминания. Часть воспоминаний была опубликована в 2015 г. Ф.Н. Козловым в сборнике «В тылу как на фронте». Кроме того, имеются и другие воспоминания участников строительства, опубликованные в газетах, размещенные на сайтах или вышедшие отдельными изданиями [1; 3; 4 и др.].

Летом 2020 года по инициативе Управления образования администрации г. Чебоксар учащиеся школ города провели опрос ветеранов и их родственников с целью записи воспоминаний о строительстве оборонительных сооружений в 1941–1942 г. 86 собранных материалов опубликованы в сборнике «Строители безмолвных рубежей» [14]. Часть собранных школьниками и студентами интервью ещё не опубликованы и были использованы нами в черновом оригинале. Следует отметить специфику проанализированных нами воспоминаний. Многие из них не могут быть признаны научными источниками и не являются исследовательскими интервью.

Исследовательское (историческое) интервью – это целенаправленное создание нового исторического источника исследователем-профессионалом, когда в ходе смоделированной интервьюером тщательно подготовленной беседы с респондентом записывается на аудио- и видео носителях информация о конкретных исторических событиях. В ходе предварительной работы респонденту даются заранее подготовленные вопросы, с целью настроить его на продуктивную беседу. В ходе проведения интервью всегда присутствует проблема памяти и забвения (вольного или невольного). Субъективные ощущения могут заслонять более значимые события, отношение к которым у респондента могли измениться за прошедшие десятилетия. Существует даже термин «произвол рассказчика».

Огромное воздействие на респондента может оказать сам интервьюер, ориентируя респондента на те или иные интерпретации, задавая эмоциональный тон беседы. Таким образом, исследовательское интервью – это всегда диалог, в ходе которого создается, моделируется устно-исторический источник. При этом ученый выступает как бы соавтором текста. И это привносит в него

много субъективных элементов, умаляет значение рассказа как исторического источника.

Особое значение имеет методика самого проведения интервью, в ходе которого задаются перекрестные вопросы, с целью уточнения и проверки информации. Мы разработали специальную анкету для опроса строителей рубежей, которая включает 12 вопросов обо всех сторонах жизни строителей. Также важно и транскрибирование (расшифровка) записи, в ходе которой надо отмечать реакцию респондента, паузы, особенности речи. Не рекомендуется подвергать текст интервью грамматическому, а тем более, литературному редактированию. К сожалению, все опубликованные интервью подвергались определенному редактированию, сокращению и несколько отличаются от черновых оригиналов. Поэтому в ряде случаев анализировались неопубликованные (черновые) варианты воспоминаний, сохранившие «непричесанные», но искренние свидетельства [5 и др.].

Еще одна особенность анализируемых нами воспоминаний состоит в том, что подавляющая их часть принадлежит не самим участникам строительства оборонительных рубежей, а их детям и даже внукам. Эти респонденты передают информацию, которую им рассказывали их родители. В данном случае этот источник оказывается ближе к фольклору, чем к исследовательскому интервью очевидца.

Однако, несмотря на все недостатки имеющихся в нашем распоряжении источников, они несут в себе уникальную информацию. Эта информация имеет не столько фактологическое значение, сколько позволяет понять эмоции, настроение, оценочные суждения ветеранов. С учётом субъективности источников личного происхождения, возможности неточного припоминания дат, имен, фактов эти свидетельства нуждаются в критическом анализе и сопоставлении с документальными источниками. Мы провели небольшой статистический анализ воспоминаний, опубликованных в сборнике «Строители безмолвных рубежей» [14]. Они не могут экстраполироваться на статистику всех участ-

ников строительства, но дают определенное приблизительное представление о географии и половозрастном составе участников. Наибольшее количество респондентов проживали в 1941 г. в Алатырском (22,4%), Янтиковском (15,5%), Порецком (12,1%) районах. Из числа респондентов – 93,1% женщины. По возрастному составу: 40,3% - респонденты, которым в 1941 году было 10–18 лет; 19,4% – дети в возрасте 10–14 лет. Эти данные можно объяснить тем, что многие люди старшего поколения уже умерли, а многие мужчины погибли на фронте.

Какие же сведения о строительстве Сурского и Казанского оборонительных рубежей можно почерпнуть из воспоминаний ветеранов? Интересные свидетельства содержатся о начале войны и о том, как проходил призыв на строительство. В первые месяцы войны на фронт отправились здоровые мужчины. В конце октября, когда было принято решение о строительстве оборонительных рубежей на новый, «строительный фронт», отправились женщины, подростки, и те мужчины, которые были непригодны к военной службе. М.М. Зотова вспоминала, что когда стали всех забирать на строительство окопов, «страшно тогда стало всем. Враг мог подойти прямо к дому» [14, с.82].

Мобилизация на строительство происходила по-разному. Упоминаются персональные повестки из военкомата [14, с. 8, 75]. «Отказ считался дезертирством и строго карался» [14, с. 8]. Списки призванных через военкоматы можно восстановить. Однако большая часть строителей их не получала. Много свидетельств о том, что колхозников просто вызывали в сельсовет и коллективно увозили на работы [14, с. 64]. А.П. Капитонова вспоминает: «В ноябре 1941 года всех работоспособных односельчан собрали в конторе и объяснили, что нам поручает Партия приступить к строительству оборонительного рубежа» [14, с. 90]. М.И. Перевалкин сообщает ещё об одном способе организации работ: «Всем взрослым колхозникам, в том числе, и моей матери, были розданы нормы вырыть по одному окопу, примерно размером 2 x 1 и 5 x 2,5. Бригадир Жирнов выезжал с колхозниками на место и на каждом участке забил колышки

с указанием фамилий, кто должен был вырыть тот или иной участок» [9]. Исходя из этих свидетельств, можно сделать вывод, что восстановить полные списки участников строительства невозможно.

Так как полных списков участников строительства нет, сложно точно определить их половозрастной состав. Официально к работам привлекалось здоровое население в возрасте от 17 до 50 лет. Однако в воспоминаниях много свидетельств о том, что в стройке участвовали ребята 13 лет. Н.Г. Морозов вспоминает: «Два наших 9-х класса в октябре 1941 года отправили на спецстроительство в с. Янтиково <...> Ростом я был очень маленький. Всего 1,48 см. <...> Через месяц работ меня направили в штаб на курьерские работы» [5]. В.В. Муленковой на начало строительства исполнилось 13 лет: «Мобилизовали родителей и сестру, а я с ними сама ходила по своей воле, помогала» [14, с. 128]. К.В. Васильева (Шумилова) вспоминала, что «в действительности на рытье окопов забирали с 12 лет и заставляли работать наравне со взрослыми, а платили, как детям» [2, с. 64]. Е.Ф. Денисова сообщает: «в школе стали набирать добровольцев из учеников для работы». Так, в 15 лет она ушла на стройку, так как была «большая патриотка» [14, с. 56].

Также неизвестно, сколько мужчин и женщин принимали участие в строительстве. В разных источниках цифры колеблются от 70 до 90% женщин от общего количества строителей.

Работали женщины всех возрастов. В воспоминаниях неоднократно встречаются упоминания о призыве беременных женщин и матерей, имевших малолетних детей, хотя официально это не допускалось [14, с. 34–36; 2, с. 56; 11]. З.Ф. Тихонова вспоминает: «Мать (П.Г. Карпова) не должны были отправлять на рытье противотанковых рвов, так как на тот момент она была беременна четвертым ребенком, на руках имела троих ребятшек». Однако «была необходимость в каждой человеческой силе», поэтому П.Г. Жарова вместе с детьми отправилась в д. Байгулово Козловского района. Одна из дочек тяжело заболела из-за морозов, а сама Пелагея не смогла из-за тяжести работ выносить ребенка.

Позже П.Г. Жарова вспоминала: «Война унесла у меня двух мужчин: мужа и нарождённого сына» [14, с. 78–79]. Е.А. Архипову призвали, хотя у неё был годовалый сын [14, с. 12]. М.Е. Егорова вспоминает, что у односельчанки умерла оставшаяся дома дочка 3-х лет. «Ей об этом с обозом сообщили. А хоронить её не отпустили. Ребенка хоронили дед с бабкой. Как всё это выдержали, не знаю» [2, с. 31].

В распределении видов работ можно проследить следующую тенденцию. В сооружении дзотов и дотов принимали участие военные строители, специалисты, иногда мужчины-колхозники. И.Р. Гришин вспоминает о строительстве пулеметных точек. «Стены, потолки сооружений были дубовые. Пулеметное окно смотрело в сторону деревни Карабаши» [14, с. 50]. В.Е. Агеева вспоминает о строительстве блиндажей в лесу «в каждом блиндаже имелась скамейка, лестница для спуска в блиндаж и два окошка». После войны деревенские дети ходили к ним играть [1]. Мужчины также занимались рубкой леса, добычей камня из оврагов. Интересно свидетельство И.Р. Гришина, что при рубке леса оставляли высокие пеньки «примерно 1–1,5 м для того, чтобы танки не прошли» [14, с.50]. Подростки обрубали сучья у поваленных деревьев, доставляли бревна на лошадях к месту строительства. Основная масса работниц трудилась на рытье окопов и противотанковых рвов. «Правый берег Суры срывали, делали его отвесным, крутым, чтобы танки не могли подняться на берег» [14, с. 90]. С этой целью копали «ров широкий, в три ряда работали, друг другу землю перекидывали наверх, на высокий берег» [5].

А. Лукин, которому в 1941 году исполнилось 12 лет, однажды попросил отца взять его на «окопы»: «Я увидел тогда страшную картину. При жутком морозе люди очищали снег, затем землю оттаивали кострами. Почва, как олово, мелкими кусками отрывалась под ломами и топорами». Он же вспоминает о строительстве противотанковых ловушек, в одну из которых по дороге «в Октябрьск за Аксарином», он провалился уже после войны, когда ехал на лошади ночью: «Еле оттуда выбрался» [7]. У.И. Карогина (Гаврилова) вспоминает:

«окопы-траншеи должны были быть строго до двух метров глубиной (надо было рыть 1,5 м, а ещё 0,5 м на холме). У моей сестры Насьтук рост был ровно 1,5 метра. По её росту мы проверяли глубину окопа. Она пробегала по окопу, если её головы не было видно, то считали, что глубина нормальная» [14, с. 94]. «Рабочих на строительство отправляли бригадами от колхозов вместе с лошадьми», – вспоминает П.Н. Ефимов. Лошадей очень берегли. От морозов у них шла кровь из носа. Чтобы помочь лошадям, люди впрягались в телегу. Петр Николаевич восклицает: «Сильные животные истощались, а вот люди – нет. Помогали сила духа и вера в победу!» [14, с. 68].

Зима 1941 года выдалась суровой, земля промерзла насквозь. «Днем разрешалось разводить костры, чтобы согреться, да и земля на месте костра подтаивала. Ночью костры и свет запрещались, потому что ими можно было привлечь внимание разведчиков» [9]. Л.М. Петрова (Юдина) вспоминает как в Ядринском районе, где она копала траншеи, над ними пролетал немецкий самолёт, фотографировал их. «Испугались, думали: будут бомбить, но обошлось» [10].

Очень тяжелыми были бытовые условия жизни строителей. По воспоминаниям можно выделить три группы. *Первая группа* – это колхозники, которые работали в непосредственной близости от родной деревни. Они продолжали жить дома, на работу ходили пешком, иногда за 8–10 км. Зачастую в их домах располагались также мобилизованные из других районов. *Вторая группа* строителей приезжала на работу из дальних деревень. На жилье их определяли в домах местных жителей. Порою спать приходилось на полу, постелив вместо матраса солому. Еду для постояльцев готовили хозяева, хотя есть свидетельства, что иногда сами работники варили себе суп на костре в огороде за домом. Сохранилось немало сведений, что строители жили в бараках, специально построенных землянках и даже шалашах [14, с. 75]. *Третью группу* мобилизованных составляли учащиеся и студенты Чувашского пединститута, централизованно прибывшие на строительство. Есть известия, что их поселяли как в домах жителей, так и вместе в административных зданиях.

Согласно архивным документам, всем мобилизованным полагалось 80 грамм мяса и 100 грамм крупы в день, однако, согласно воспоминаниям, многие строители были вынуждены питаться за свой счет. Р.В. Кочевникова вспоминает: «У кого дома была еда, то брали с собой, а если ничего не было взять, то брали только воду» [14, с. 108]. А.И. Баканова рассказывала: «За работу ничего не получали, нам ставили на бумаге палочку, вот и вся наша плата. На бригаду давали один большой каравай хлеба и по кусочку сахара» [14, с. 16]. О.И. Иванова (Григорьева) вспоминала, что в день им выдавали по одной буханке хлеба. Половину она съедала, а половину несла домой, где её ждали десять голодных братьев и сестер [14, с. 48].

По документам колхозы обязаны были доставлять еду своим мобилизованным колхозникам. Л.В. Владимирова рассказывает, как из колхоза на стройку прислали два бидона молока и изготовленные мамами и бабушками шерстяные чулки для близких. Она всю жизнь вспоминала эти чулки, которые в мороз спасли ей жизнь [14, с. 33]. Но иногда еду не привозили по несколько дней, и люди голодали. Е.З. Григорьева вспоминает: «Еды привозили мало. Порой довольствовались одной картофелиной и куском зачерствевшего хлеба. Мерзли руки и ноги. С высокой температурой, кашлем приходилось рыть окопы» [14, с. 46].

Лучше обеспечивались студенты. В.Д. Димитриев вспоминает о хорошей организации питания: «Каждому выдавали 800 г. хлеба. На завтрак и ужин мы получали суп, часто мясной, из общего котла, также в котлах варили картофель». Он пишет: «Хозяйственная часть раздала всем работающим онучи, изготовленные из шерстяных одеял института. Лапти оказались самой лучшей обувью на земляных работах при жестоком морозе» [4, с. 18]. Другие ветераны также вспоминают, что их кормили прямо в поле гороховым супом [6], кашей [14, с. 83], а некоторые даже удивлялись, что впервые ели так много мяса. П.Н. Ефимов рассказывал: «Дисциплина была строгая, домой никого не отпускали. Хорошо хоть, что питание было такое, что дома не видели: мясо ели вдо-

воль. Мясом работников снабжали колхозы. Раз в неделю приезжал продуктовый обоз на быках» [14, с. 69].

Существовали большие проблемы с теплой одеждой и обувью, с гигиеной. «После тяжелой работы в бараках негде было сушить мокрую одежду, а теплой не было совсем. Очень большие неудобства доставлял педикулез. Заражались им очень быстро, но выводить паразитов было негде и нечем», – вспоминает К.М. Горшкова [14, с. 40].

В воспоминаниях ветеранов есть упоминание и о других группах участников строительства. Несколько раз встречаются свидетельства о работе военнопленных [14, с. 9, 134]. А.П. Капитончева вспоминает: «На работе нас не кормили, еду давали только тем, кто был под охраной. Но кто были эти люди, мы не знали. Одни говорили, что это пленные, другие – осужденные» [14, с. 90–91]. Д.А. Белова рассказывает: «Заклученные работали около Ядрина, дамбу делали. И дезертиры были в деревне. Их в штрафную часть отправляли. На конной ферме дезертиров держали. Однажды женщины четвертой бригады ближе к Суре перестали работать. Говорили: «Верните наших мужей! Мы и будем работать». Эту бригаду потом разбросали по другим бригадам» [14, с. 18–19].

Однако в основной массе строители были настроены героически. Они стремились помогать друг другу. На работе действовал бригадный подряд. Норма выработки была на всю бригаду, поэтому старались трудиться вместе, поддерживать отстающих, организовывались соцсоревнование. Даже когда не было организовано коллективное питание, люди делились друг с другом принесенными продуктами. Следили, чтобы не было обморожений (со стороны лучше видны побелевшие щеки). Во время перерывов пели и танцевали вокруг костров, чтобы и настроение поднять и согреться. А.К. Крынецкая вспоминает: «Делили хлеб между всеми. А после особо тяжелых дней устраивали отдых с песнями и танцами. Это всё проводилось для поднятия духа людей, чтобы не думали о холоде, голоде» [14, с. 110].

Практически в каждом втором воспоминании есть свидетельства о погибших: чаще всего люди умирали от обморожений, проваливались под лед на Суре, смертельно простужались, попадали под земляные обвалы при рытье траншей. Е.З. Григорьева сетует: «Не все вернулись со стройки того рубежа, там и похоронили. Много сил и здоровья отдали строители Сурского рубежа, но никто не думал об этом. Думали о том, как победить врага» [14, с. 46].

Е.П. Вахатова (Бочкарева) рассказывала своему внуку: «Тяжело было и страшно, что скоро могут фашисты прийти, поэтому работали, пока могли на ногах стоять. Было как на фронте, только пули над нами не летали» [14, с. 26]. А.И. Исакова вспоминает: «Вскоре мы узнали о победе наших войск под Москвой. Работать стало веселее <...>. Таким образом, и мы, семнадцатилетние, внесли свой вклад в дело победы» [2, с. 57].

В воспоминаниях сохранились судьбы конкретных людей, которые участвовали в строительстве Сурского и Казанского оборонительных рубежей, рассказы об их подвигах и трагедиях, о стремлении к победе. Таким образом, анализ воспоминаний позволяет не только увидеть те условия, в которых проходило это строительство, но и понять мысли и чаяния людей, которые приближали День Победы как могли.

Список литературы

1. Алюшина Анна Сергеевна // Сурский и Казанский оборонительные рубежи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://сурскийрубеж.рф/portfolio/алюшина-анна-сергеевна/> (дата обращения: 01.03.2021).
2. Андреев О.В. Подвиг тружеников тыла: строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей / О.В. Андреев, Е.В. Касимов, Ф.Н. Козлов [и др.]. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2021 – 156 с.
3. Данилова А.П. Рядовой Гвардейского полка. – Чебоксары: Новое время, 2010. – 136 с.

4. Димитриев В.Д. В годы Великой Отечественной войны и послевоенной службы в армии: воспоминания. – Чебоксары, 2000. – 160 с.

5. Интервью с Бухаленковым Геннадием Степановичем // Полевые исследования.

6. Интервью с Исаевым Геннадием Ильичем // Полевые исследования.

7. Интервью с Лукиным Арсентием // Полевые исследования.

8. Интервью с Морозовым Нилом Гавриловичем // Полевые исследования.

9. Интервью с Перевалкиным М.И // Полевые исследования.

10. Интервью с Петровой (Юдиной) Людмилой Михайловной // Полевые исследования.

11. Интервью с Пронькиной Валентиной Ивановной // Полевые исследования.

12. Очерки истории Чувашской областной организации КПСС/ под ред. И.П. Прокопьева [и др.]. – Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1974. – 628 с.

13. Под грифом «секретно»: неизвестные и малоизвестные страницы истории Чувашии времен Великой Отечественной войны: сборник документов / сост. Д.А. Захаров, Е.В. Касимов. – Чебоксары: ЧГИГН, 2016. – 556 с.

14. Строители безмолвных рубежей: сборник воспоминаний участников строительства Сурского и Казанского оборонительных рубежей на территории Чувашии в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. Д.А. Захаров. – Чебоксары: Новое время, 2021. – 208 с.